

СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ КРЕСТ НА МОГИЛЕ ПРЕКРАСНОГО

Независимая газета, - 1998, К 120-летию Казимира Малевича
- 13 февр. - с. 9, 15

Слава Лён,
Николай Масленников

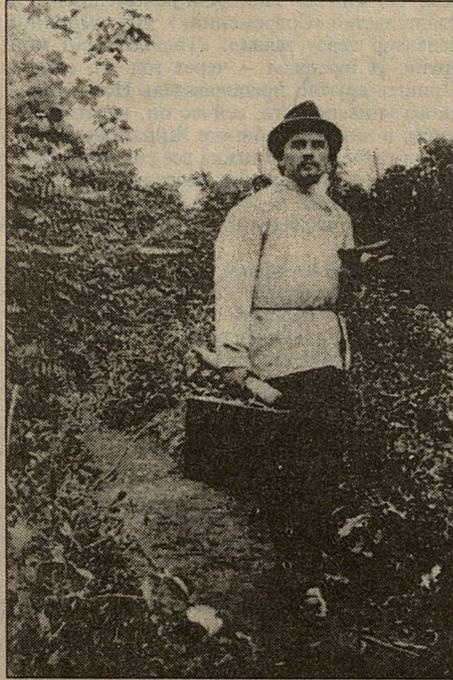
В СВОИХ «Автобиографических заметках» Казимир Малевич писал: «98 г. для меня может быть назван началом публичных выставок». Гениальный мистификатор уходящего века, летом 1917-го он объявил себя «председателем пространства», и только сегодня мы можем понять, насколько — без эпатажа и гиперболы — он имел право так говорить. «Черный квадрат» — самый знаменитый холст XX века, если угодно — его знак. Знак нового понимания пространства, нового понимания мира, нового понимания знака. Может быть, знак понимания вообще.

КОЕ-ЧТО ОБ ИСТОКАХ

Казимир Малевич родился 11 (23) февраля 1878 года в Киеве в семье русских поляков. Его отец, Северин Малевич, был инженером на свекольносахарном заводе: «Я помню своего отца, когда он стоял у большого аппарата. Это очень красивый аппарат с массой разной величины стеклышек...» «Я продолжал расти и восторгаться живой природой до 11 лет, ничего не подозревая, что существуют такие краски, которыми можно было бы передавать природу. Но пришел день <...> — я почему-то обратил внимание на маляра, который красил крышу, которая становилась зеленой, как деревья и как небо. Это меня навело на мысль, что этой краской можно передавать дерево и небо. Во время обеденного отдыха я забрался на крышу и стал красить — передавать дерево, но из этого ничего не выходило. Но это меня не раздражало, ибо я удовлетворился самой покраской. Уж очень приятное ощущение я испытал от самой краски и кисти», — вспоминает Малевич.

Свекольные плантации и завод представлялись ему как два образа жизни — *деревенский и заводской*. Он предпочитал деревенский. «Не нравились мне заводские ребята, их одежда и их жизнь. <...> Деревенские ребята носили всегда простые холщовые одежды, удобные для всего. Нравились мне крестьянские одежды тем еще, что они цветные, узорчатые <...> Сами ткали, сами вышивали и красили». Главное же — что заводские «не занимались рисованием... Все же крестьяне — занимались».

В пятнадцать лет начав живописать, Малевич через двадцать лет — в 1913 году, преодолев в своем развитии стилистики им-

Казимир Малевич в Курске. Чертежник Управления железных дорог. Около 1900 г.

прессионизма, символизма, неопримитивизма, кубофутуризма — нарисует «Черный квадрат» и станет первым художником мира. Первым — во всех трех значениях этого слова: (1) первым осмысленно преодолевшим — а гонка тогда шла страшная! — непреодолимую в то время границу между предметным и фигуративным искусством; (2) порядково первым художником — в «чистой живописи», со своим собственным, чистым, как в музыке, языком, который сам же — под именем *супрематизм* — изобрел, манифестировал, утвердил; (3) первым по значению художником, то есть — лучшим в мире.

Это «чудо Малевича» могло произойти только за счет среды Серебряного века, который, нарождаясь сам, мощно воспитывал будущих гениев. А гении типа Малевича потом уже сами созидали феномен русского авангарда, в свою очередь развивая — насыщая — гущая среду Серебряного века. В Музей мировой культуры русский авангард вошел четвертым русским «сокровищем»:

вслед за литературой XIX века, за русской иконой и древнерусским зодчеством.

В 1907 году, будучи уже профессиональным художником, Казимир Малевич принимает участие в выставках Московского товарищества художников вместе с другими будущими авангардистами — Михаилом Ларионовым, Натальей Гончаровой, Василием Кандиным, Алексеем Моргуновым. Критика не находит в них «ничего крупного, ничего яркого, ничего захватывающего»; ей «совершенно неинтересны этюды К. Малевича».

Выставка группы «Бубновый валет», устроенная Ларионовым и Лентуловым в декабре — январе 1910/11 гг. в Москве, оказалась первым публичным скандалом, в котором участвовал Малевич. «На языке гадалок бубновый валет означает молодость и горячую кровь», — объяснял Лентулов. Однако «молодость и горячая кровь» были восприняты публикой и критикой враждебно. Вот некоторые из заботливо собранных А. Крусановым откликов: «Яркие краски и уродование лиц, фигур, пейзажей! Убожество и глумление!» «Третьего дня я провел несколько часов в сумасшедшем доме, притом среди буйнопомешанных. Короче, — был на выставке картин «Бубновый валет»; «лечебница для душевнобольных»; «куски измазанного холста, оскорбляющие своим видом общественный здравый смысл и самое элементарное эстетическое чувство». Впрочем, к Малевичу это относилось в незначительной степени, поскольку он был среди второстепенных участников выставки. Притом, как пишет Николай Харджиев, «гуаши «Купальщицы», «Фрукты», «Прислуга с фруктами» свидетельствовали о появлении нового этапа в его эволюции, об отходе от символизма и модернизма, открывавшего путь к фовистскому периоду».

Одновременно происходит раскол среди самих бубновалетовцев, и Ларионов основывает группу с эпатирующим названием «Ослиный хвост». Малевич принимал участие в двух выставках этой группы, но потом вернулся в «Бубновый валет»; правда, с провокативной целью — взорвать «сезаннистов» изнутри. Разоблачая консерватизм «Бубнового вале́та», он пишет в феврале 1913 года в петербургское общество «Союз молодежи»: «Выставка «Валет», если ее взять относительно, то ничего себе, но в частности она подошла к грани последней, после которой уже начинается забор Ваганьковского кладбища. Единственным

выходом вижу кубизмо-футуристический путь и заявляю, что неперешедший на этот путь явится кандидатом того кладбища». Среди уже стоящих у ограды кладбища он в первую очередь называет Кончаловского, Машкова и Куприна.

ПРОТИВ ЛОГИКИ ОБЩЕСТВА

На Четвертой выставке «Бубнового вале́та» 5 февраля 1914 года Малевич и его друг, тоже бывший ларионовец, Алексей Моргунов выставили только кубистические работы. А 19 февраля на диспуте «Бубнового вале́та» в Политехническом Малевич объявляет: «Если бы было возможно написать рецепт для живописи, то, пожалуй, всякий аптекарь или Сомов с Репиным могли бы писать такие картины. Но рецепта такого найти нельзя. <...> Нас обвиняют в ненормальности, что мы сошли с ума и т.д., но кто из нас сумасшедший, вы или мы?... Картины, написанные нами, футуристами, есть самый честный настоящий путь, странный только на ощущения живописных. Разуму этот путь непонятен, и в этом деле разум должен быть устранен, как шлабам, преграждающий путь...»

(Категоричность и стремление ниспровергнуть старые ценности были, как известно, характерны для духа того времени. Например, 13 января 1913 года художник-ико-

Крестьянки в церкви. 1911–1912.

нописец Абрам Балашов изрезал картину Репина «Иоанн Грозный и его сын Иван». «Балашов оказался Репину громадную услугу, — комментирует Максимилиан Волошин, — он дал силы слабому и оживил умершее». Малевич на диспуте о живописи (март 1913 года) говорит: «Наша печать напоминает тупых пожарных, гасящих огонь всего нового, неведомого. Во главе этих пожарных стоит бездарный брандмейстер Репин... Старое искусство сплошь состоит из бездарностей» и т.д. Так что когда в конце 1996 года Александр Бренер в амстердамском музее Стэдли рисовал зеленой краской знак доллара на «Белом супрематизме» Малевича, он лишь наследовал традиции...)

В июле 1913 года в дачном поселке Усикерко (Финляндия) прошел «Первый все-русский съезд Баячей будущего». Тогда же был создан манифест, утверждающий: «Художественным, Большим и Малым нет места в сегодня! — с этой целью учреждается Новый Театр «Будетлянин». Опера «Победа над солнцем» (текст А. Крученых, музыка М. Матюшина, оформление К. Малевича) была поставлена в декабре 1913-го. «Смысл ее — ниспровержение одной из больших художественных ценностей — солнца в данном случае», — объясняли Малевич и Матюшин. Футуристическая опера имела огромный успех!

Следует также упомянуть об алогизме, которым увлекались одно время (1913–1915 годы) Малевич и Алексей Моргунов. «Мы великолепно понимали, что роль искусства большая в смысле агитации или утверждения того или иного содержания мироотношения общества. И свое же искусство делали агитационным. Например, специально были написаны «алогические картины» против логики общества и его мироощущения». У Малевича это «Англичанин в Москве», «Авиатор», «Дама у афишного столба», «Корова и скрипка» (написанная под впечатлением от своеобразной рифмы Крученых *корова — театр*), «Таня купается совсем как в колбасной».

Покинув «Бубновый валет», Малевич тем не менее (как свидетельствует Николай Харджиев) продолжал использовать известную вывеску — и в ноябре 1916-го, и после Октябрьской революции — в ноябре—декабре 1917-го. 3 декабря 1917 года диспут «Заборная живопись и литература», в котором приняла участие Малевич, Маяковский, Давид Бурлюк и Каменский, история «Бубнового вале́та» завершается.

(Окончание на стр. 7)

СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ КРЕСТ НА МОГИЛЕ ПРЕКРАСНОГО

Казимир Малевич, газета, 1928, 13 февр., с. 15 (продолжение)

(Окончание. Начало на стр. 1)

ОТКУДА ВОЗНИК ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ?

К 1913 году Малевич не единственным и даже не самым первым преодолел границу беспредметного искусства — Кандинский, Ларионов/Гончарова, Филонов, Татлин, Матюшин тоже преступили черту абстракционизма. Но только Казимир Малевич сумел глубоко осмыслить и понять радикальность этого шага. На «Последней футуристической выставке», программно названной «0,10», в Петербурге (1915/16) он выпустил в свет — одновременно с первой демонстрацией холста «Черный квадрат» — собственную брошюру «Супрематизм». Девять его друзей-художников, участвовавшие в «0,10», не разрешили ему включить как слишком смелое имя *супрематизм* в общий каталог выставки. В следующем году с этой декларацией в качестве предисловия Малевич публикует новую книгу «От кубизма и футуризма к супрематизму. Новый живописный реализм», где объявляет: «Творчество лишь там, где в картинах является форма, не берущая ничего созданного уже в природе, но которая вытекает из живописных масс, не повторяя и не изменяя первоначальных форм предметов природы».

Динамизм живописи есть только бунт к выходу живописных масс из вещи к самосвойным, не обозначающим ничего формам, т.е. к господству чисто самоцельных живописных форм над разумными, к супрематизму как к новому живописному реализму».

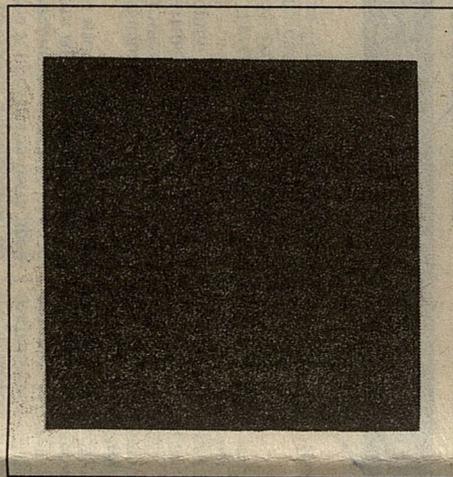
Малевич хорошо понимал глобальность значения «Черного квадрата» как знака нового искусства — недаром на выставке «0,10» он повесил его в красный угол как икону. И сверх того — как знака нового понимания искусства. В своих теоретических работах 1915 — 1927 годов именно он поставил задачу разработки новой эстетики, призванной сменить уже не работающую — в ситуации беспредметного искусства — эстетику «прекрасного, возвышенного, героического» Александра Баумгартена (1735) и принцип мимезиса древнегреческой эстетики. Но в этом «кривобоком положении» (новое искусство — старая эстетика) культура XX века просуществовала почти до самого его конца.

Казимир Малевич набрал на свой «Черный квадрат» случайно. В 1913 году при работе над сценографией оперы «Победа над солнцем» он нарисовал полквадрата в эскизе задника к 5-й картине 2-го действия. А по мнению Харджиева, «первые чисто супрематические построения следует датировать маем 1915 года, когда Малевич создал ряд рисунков для второго (неосуществленного) издания пьесы А. Крученых» Пысыла Матюшину рисунок занавеса с изображением черного квадрата, Малевич писал: «Рисунок этот будет иметь большое значение в живописи, то, что было сделано бессознательно, теперь даст необычайные плоды».

Но все же потребовался год, чтобы понять, что он натворил! Все лето 1915 года он тайно и скрытно гнал холст за холстом в стиле супрематизма, чтобы успеть к выставке «0,10» подготовить 49 новых работ. И в ужасе сообщил Матюшину, как к нему в мастерскую неожиданно явился устроитель выставки Иван Пуни и преждевременно увидел его супрематические работы.

«Теперь во что бы то ни стало нужно пустить брошюру о моей работе и окрестить ее и тем предупредить мое авторское право. Его молодой тогда друг, искусствовед Николай Харджиев, позже (1978) так объяснял происхождение термина «супрематизм»: «И русские, и западноевропейские исследователи нередко производят «супрематизм» от слова «supreme». Между тем «супрематизм» произведен от слова «suprematie». По объяснению самого Малевича, слово супрематизм означает первенство <т.е. главенство> цветной проблемы».

На «Последней футуристической выставке» «0,10» распространялась листовка с декларациями Малевича, Ивана Клуна и Михаила Менькова. В ней провозглашалось полное освобождение искусства от содержания и господство пластических форм над формами природы. Как отмечает А. Круса-

Черный квадрат. Конец 1920-х.

нов, большинство критиков не обратило внимания на супрематические работы Малевича. Зато особое значение придал им А. Бенуа: «Без номера, но в углу высоко под самым потолком, на месте святом, повешено «произведение»... г. Малевича, изображающее черный квадрат в белом оформлении. Несомненно, это и есть та «икона», которую гг. футуристы предлагают взамен мадонн и бесстыжих венер <...> Черный квадрат в белом окладе — это не просто шутка, не простой вызов, не случайный маленький эпизодик, а это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного приведет всех к гибели».

В группу супрематистов вошли Иван Кюн, Михаил Меньков, Иван Пуни, Ольга Розанова, Надежда Удальцова, Любовь Попова, Ксения Богуславская.

ФИЛОСОФИЯ НУЛЯ

«Черный квадрат» — самая простая и самая таинственная картина русской и мировой живописи; можно сказать, что «Черный квадрат» «неисчерпаем так же, как атом». Но важно понять, что это первая в истории мирового искусства — изначально, то есть по замыслу и исполнению — знаковая кар-

тина. Малевич «закрывает» ею историю развития европейской живописи. И главное — период осмысленного и целенаправленного ее развития с первой (1874) выставки импрессионистов. Позже он построит для выставки в Германии (1927) траекторную схему развития живописи в 1880 — 1926 годах (так называемые «Теоретические таблицы Малевича», оставленные — вместе с живописными холстами — «на временное хранение» в Германии и навсегда застрявшие на Западе).

«Черный квадрат» есть знак нуля-формы и нуля-цвета: арифметически рассуждая, дальше в развитии «чистой живописи» двигаться некуда, это — тупик. «Если искусство познало гармонию, ритм, красоту, познало ноль», — говорит Малевич в манифесте «Супрематическое зеркало» (1923), — «если творение мира — пути Бога, а «пути Его неисповедимы», то Он и путь равны нулю».

Никто из зрителей не понял эзотеричности и знакового смысла названия выставки — «0,10» в Петрограде 1915 года. Критики (такие же петрогровые, как в наше время) писали, что название «арифметическое неграмотное»: «0,10», то есть «одна десятая», совершенно не соответствует вербальной расшифровке «ноль — десять» в афише выставки. Между тем Малевич, заявляя о своем полном разрыве с предметными формами, в брошюре к выставке четко писал: «Но я преобразился в нуле форм и вышел за 0 — 1». Другие участники выставки тоже стремились «выйти за 0»... Идея, больше того — «философия нуля» не оставляла Малевича все последующие годы, но окончательно он утвердился в ней уже тогда, в 1915-м: в письме Матюшину он писал (29 мая 1915-го): «Мы затеваем выпустить журнал и начинаем обсуждать, как и что. Ввиду того, что в нем собираемся свести все к нулю, то порешили его назвать «Нулем». Сами же после перейти за нуль».

На самом деле «переход за нуль» есть нечто иное — то, чем в позиции «второй рефлексии» занялся русский авангард в 1960-х годах. Малевич же «точкой нуля» называл фактически точку перехода от кубизма и футуризма — к супрематизму, от предмета — к беспредметности. Но в пространстве супрематизма (слава которого росла после выставки «0,10» не по дням, а по часам) оставался еще непочатый край работы, и главным генератором новых идей был тут Казимир Малевич, в гениальности которого теперь никто не сомневался.

Однако грянула революция, и закружились слабые головы гениальных русских авангардистов. Они — Кандинский, Малевич, Татлин, Филонов, Матюшин (Ларионов с Гончаровой уехали из России в 1915 году) — решили, что пришло их время: новому искусству — новая власть. Уж очень мешали тогда авангардистам жить, академии из Императорской академии художеств (ее коммунисты прихлопнули уже в 1918-м), передвижники (на первых порах они растерялись), мирискусники (эти подались в Париж). В шумном шествии Октябрьских торжеств 1918—1920-х годов авангардисты были главными монументалистами, и у них родилась иллюзия, будто вершат они всеми делами Искусства и Культуры, музеями и выставками, изданиями и научными исследованиями. И будто

лозунг Опояза «Искусство — в жизнь» смогут они быстро реализовать».

В августе 1917-го Малевич был избран в московский Совет солдатских депутатов (с июня 1916-го он служил в действующей армии в инженерных войсках), а в первые дни Октябрьской революции стал членом Комиссии по охране ценностей искусства и старины и комиссаром по охране ценностей Кремля. В 1918-м Малевич (вместе с Татлиным и Моргуновым) уезжает в Петроград — он фактически изгнан из Москвы новым руководителем ИЗО Давидом Штеренбергом. Однако в начале 1919-го он возвращается и в Свободных художественных мастерских (СВОМАС) начинает руководить мастерской по живописи. В Москве голодно, холстов-красок — нет...

В ВИТЕБСКЕ И ПОСЛЕ

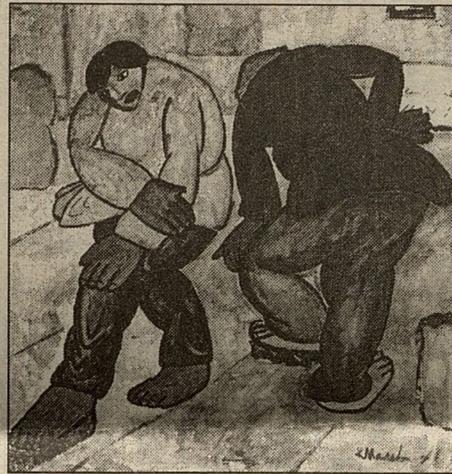
И в сентябре 1919-го Малевич по приглашению В. Ермолаевой и Л. Лисицкого едет работать в относительно сытый Витебск, в Народную художественную школу. Школу эту создал и возглавляет абorigine Марк Шагал, который уже написал свои сюрреалистические работы с летающими людьми и коровами (но мировая слава к нему придет еще очень нескоро, с зарождением эпохи постмодернизма и «сменой вех» в эстетике). На фоне великой революции беспредметников под руководством вождя Казимира Малевича Шагал выглядит безнадежно отстающим. Вождь же лично и агрессивно встает в Витебске во главе творческого, научно-исследовательского, выставочного, издательского и педагогического процессов. С учениками витебской школы он приезжает на экскурсию в Москву — на свою первую ретроспективную выставку «Казимир Малевич. Его путь от импрессионизма к супрематизму» (декабрь 1919—январь 1920-го). Здесь демонстрируются его работы (всего 153): от ранних импрессионистских через неопрimitивизм и кубофутуризм — к супрематизму, делившемуся в свою очередь на три стадии: черный, цветной, белый. Завершается экспозиция чистыми холстами на подрамниках.

Ученики Шагала дружно вступают в группу УНОВИС (Утвердители нового искусства), созданный Малевичем. «Когда к Малевичу перебежали от Шагала все эти еврейские мальчики, скандал на весь Витебск, — вспоминает Н. Харджиев в 1991 году. — Ида (дочь Шагала. — С.Л., Н.М.) сама мне рассказывала, что отец ненавидел Малевича и был зол на нее за то, что Малевич ей нравится. У Шагала характер был дай боже. Малевич был все-таки относительно с юмором, а этот был страшно злопамятный...» В результате этой борьбы Марк Шагал в 1922 году покидает родной город — как оказалось, навсегда.

Малевич разворачивает в Витебске кипучую деятельность — выставки, представления, демонстрации, доклады, публикации (здесь издаются основные работы Малевича о супрематизме). Но уже после первого выпуска студентов Витебского художественно-практического института (ректор Ермолаева, председатель совета профессоров — Малевич) в мае—июне 1922 года он с учениками перебирается из бесперспективной провинции в Петроград: Москва для него закрыта — после выставки работ УНОВИСа и чтения Малевичем лекций в ИНХУКе в де-

кабре 1921-го его принципиальные расхождения с Василием Кандинским и всем руководством ИНХУКа необратимы.

В Петрограде Малевич с единомышленниками-авангардистами — Татлиным, Матюшиным, Мансуровым, Филоновым, теоретиком авангарда Пуниным — разворачивает широкий фронт (как тогда выражались) творческих, научных, выставочных работ. Малевич интенсивно раздвигает границы супрематизма в искусстве и жизни. В театре (его ученицы: Степанова и Любовь Попова, в свою очередь воспитавшая Эйзенштейна), в кинематографе, в книжной графике, в прикладных искусствах (фарфор, ткани и т.д.) супрематические идеи и принципы находят успешное применение. В начале 20-х Малевич напряженно думает о супрематизме в архитектуре, создавая на бумаге проекты «Планит для землянотов»

Полотеры. (1911—1912).

(домов для людей) и в гипсе, картоне и других материалах объемные «Архитектонты» — проекты небоскребов. Именно архитектура в пространстве Большого Времени определяет основополагающие характеристики Великого стиля, и Казимир Малевич своими идеями закладывает сущностные основы модернизма как единого стиля XX века.

В 20-е годы Малевич продолжает проведение супрематических выставок не только в Питере, но и в Москве, Берлине, Венеции (самого автора за границу не выпускают). Великим достижением Малевича и авангардистов было создание Государственного Института художественной культуры в 1923 году, но после погромной статьи в газете «Ленинградская правда» «Монастырь на госснабжении» критика с говорящей фамилией Серый (10 июня 1926-го) ГИНХУК был ликвидирован. Набирала политическую силу Ассоциация художников революционной России (объединившая реалистов передвижнического толка), руками ОГПУ начала она систематическое уничтожение художников-авангардистов. «Результатом господствующей политической философии (читай: идеологии. — С.Л., Н.М.) явилось физическое вымирание художников, как равно и вполне разрушенная художественная школа», — писал в июне 1926 года руководитель экспериментального отдела ГИНХУКа Павел Мансуров.

СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ ГРОБ

8 марта 1927 года Казимир Малевич выезжает из СССР со своей знаменитой первой персональной выставкой супрематизма и гениальными лекциями — сначала в Польшу, затем в Берлин. Успех триумфальный, в Берлине ему предоставлен целый зал на ежегодной Большой берлинской художественной выставке с 7 мая по 30 сентября. Но 5 июня по внезапному вызову «инстанций» Малевич срочно возвращается в СССР. Больше никогда уже художника за границу не выпускают (даже чтобы забрать свои работы из Германии). Его подвергают систематической травле, а осенью 1930 года сажают в тюрьму ленинградского ОГПУ. В конце 1934 года Казимир Малевич тяжело заболевает. Он умирает 15 мая 1935-го, рядом его жена, дочь, мать... Прах в супрематическом гробе, сделанном Николаем Суециным по рисунку самого Малевича, перевозят из Ленинграда в Москву. И по Невскому проспекту траурная процессия сопровождает до Московского вокзала автомобиль-катафалк, на капоте которого укреплена «Черный квадрат».

Его похоронили на станции Немчиновка. На могиле стоял куб из сосновых досок (его предполагалось заменить потом супрематическим памятником); на доске, прибитой к старому дубу, надпись: «Здесь погребен прах великого художника К.С. Малевича...»

(Вот еще подробность. Владимир Татлин, как известно, враждовал с Малевичем. Когда они оба были кандидатами на место директора Института Художественной культуры, Малевич сказал: «Будь ты директором», — Татлин заподозрил подвох и отказался. А когда тело Малевича привезли на кремацию в Москву, Татлин пришел, посмотрел и сказал: «Притворяется!»)

Будучи фиксацией «тупика» традиционной живописи, «Черный квадрат» в то же время означал «выход из тупика» старого искусства — объявлял начало новой живописи, ибо и после достижения в своем развитии нуля-формы и нуля-цвета искусство как деятельность остановиться не может. Казимир Малевич, в явном виде ставя перед собой проблему создания собственного языка живописи (или — что то же — проблеме «чистой живописи»), добился реализации на практике принципов новой живописи: аполитической, аиметической, алогической, беспредметной.

Летом 1923 года Казимир Малевич на XIV Биеннале в Венеции (заочно) выставил «Черный квадрат», «Черный круг», «Черный крест» и шесть рисунков «Планит». «Будущие планиты (дома) для землянотов (людей)» — супрематические архитектурные проекты, над которыми он работал с начала 20-х годов. Не надо быть опытным искусствоведам, чтобы в «Планитах» Малевича увидеть детально воспроизведенную конструкцию Мавзолея Шусева (понятно, что Малевич не мог «украсть» у Шусева идею!). И так, талантливейшему архитектору Шусеву мы должны быть благодарны по гроб жизни за то, что он решился перевести в роскошный мрамор бесплотно супрематическую идею Малевича и поставить ему памятник на Красной площади.

